

ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ И СКАЗАНИЯ АДЫГОВ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА

К.и.н. Кошокова С. Я.

Россия, г. Краснодар,
ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет»

Abstract. *The article is devoted to analyze Adygean historical and heroic songs and stories as the most informative and reliable source of Adygeyan folklore. We define the main functions of songs and stories, and the information contained there. There are three main theme which are reflected in the historical and heroic songs. Another issue of analysis is the localization of folklore stories and songs over the timescale and influence of well known Adygean folklore experts and artist on Adygean folklore («dzheguako»). We have to acknowledge the particular importance of historical and heroic songs and folklore in the life of Adygean society.*

Keywords: *Adygeyan, folklore, historical and heroic songs, legends, dzheguako.*

Для народа, не имеющего письменности, фольклор становится единственной возможностью сохранить память о прошедшем, это своеобразный «мост» между прошлым и настоящим, играющий огромную роль в общественном сознании. Можно много спорить о научной достоверности фольклора, его исторической значимости, но бесспорным является тот факт, что он отражает представления народа об историческом прошлом, формирует образы прошлого и, что самое главное, вырабатывает отношение к ним. Именно через фольклор передается социальный опыт народа, его ценностные установки и ориентации.

Каждый из жанров фольклора выполняет свою функцию и несет определенный объем информации о создателе. Наиболее информативными в адыгском фольклоре являются историко-героические песни и сопровождающие их историко-героические сказания, прославляющие знаменитых воинов, сражавшихся за свою землю. Именно в них получили отражение факты политической и социальной истории. Превалирование героической тематики закономерно для общества, в котором главным достоинством мужчины считалась воинская доблесть.

Историко-героические песни и сказания характеризуются установкой на достоверность. Исторической песне в ряду фольклорных жанров больше всего подходит определение «исторической памяти» народа[1]. Хотя наиболее ранние из них ещё обладают мифологическими чертами, но в них уже действуют реальные исторические лица, в реальных обстоятельствах. Главными функциями историко-героических песен и сказаний являются фиксация, хранение и трансляция информации. При этом надо учитывать, что фиксация событий происходит выборочно, т.е. не каждое событие остаётся запечатленным в фольклоре. Информация, содержащаяся в песне или сказании, может быть как локального, так и всеобщего характера; произведения фольклора имеют разный жизненный срок: одни закрепляются в памяти народа, другие быстро забываются [2].

В историко-героической поэзии сложились три тематические группы: песни героико-патриотического содержания о борьбе с внешними врагами; песни о социальных отношениях внутри адыгского общества; песни о междоусобных конфликтах феодалов[3]. Песни повествуют как об отдельных исторических событиях, в центре которых может быть один герой или много воинов, так и о многочисленных подвигах конкретного героя, в честь которых созданы целые циклы песен и преданий.

Идея «родины» и её защиты является центральной темой в историко-героических песнях [4]. Вместо мифических чинтов в песнях и сказаниях фигурируют реальные враги: готы, гунны, авары, татары, тургуты, позже русские. Действие происходит в реальных географических координатах: как правило, указываются названия реки, ущелья или долины, где происходят события.

В песне, как поэтическом произведении, нет хронологии. В этом смысле более информативны сказания, призванные объяснить сюжет песни, но и они не обладают чёткой хронологией. Исследователям удалось выявить несколько способов локализации во времени, во многом зависевших от таланта сказителя, его памяти и знаний [5]. Наиболее простые из них - это ссылка на далёкое прошлое («в далёком прошлом», «когда адыги язычниками были» и т.д.) или соотнесение с периодами жизни рассказчика («когда я ещё не родился», «когда я женился»

и т.д.). Эти способы носят ограниченный характер, более ясной временная локализация может быть только, если событие, о котором идёт речь, произошло при жизни сказителя, тогда при таких формулировках, как «когда, я женился», «когда, я был маленьким» должно было быть понятно, о каком времени идёт речь.

Два других принципа временной локализации связаны с именами конкретных исторических лиц. В первом случае, это князья («во время Инала Кривого», «во время Беслана Тучного» и т.д.) – генеалогический принцип, во втором – знаменитые люди («во времена Андемиркана», «в эпоху Жабаги Казанокана» и т.д.) – принцип эпохи знаменитых людей. Выбор того или иного принципа зависел от сказителя: князь и знаменитый герой могли жить в одно и то же время, и фигурировать в одних и тех же событиях, как, например, уже упомянутые, Беслан Тучный и Андемиркан.

Последний принцип – событийный, в котором события соотносятся с известными историческими происшествиями (во время нашествия крымского хана, во время большого голода, до эпидемии и т.д.) Следует отметить, что этот принцип наиболее популярен в быту народов, не обладающих календарным летоисчислением. Народ запоминает то, что имело наибольшее влияние на его жизнь и отталкивается от этого события, как от знакового. До сих пор можно встретить пожилых людей, пользующихся именно этим принципом. Следовательно, адыгский фольклор ещё не знает единиц исчисления времени. Линейное время применяется ограниченно, чаще всего для исчисления возраста героя.

В обществе, в котором главным достоинством мужчины являлась воинская доблесть, самой большой наградой становилась песня в честь героя. «Во многих случаях черкес брался за оружие, не знал отдыха, презирал опасности во время хищничества и боя для того только, чтобы стать героем песни, предметом былин и длинного рассказа у очага бедной сакли» [6]. Не меньшую гордость вызывали песни, сложенные в честь предков, отличившихся в своё время. На этих песнях воспитывалось новое поколение воинов, они воодушевлялись новыми подвиги. «Как могущественна сила воспоминания даже о том, что лишь слабо сохранилось в темных преданиях народных! Древняя песня о знаменитом изгнаннике, которому предки бжедуга с таким удивительным самоотвержением оказали покровительство, теперь раздавались в устах их потомков, конечно, не достойных героев древних песен, но всё ещё храбрых, отважных, и возбуждала в них чувства народной гордости: теперь... они решились на кровопролитную войну для защиты своих гостей» [7].

Запечатленной в песни могла быть не только храбрость, но и трусость. Этого любой адыг боялся больше всего. В этом случае он становился посмешищем для общества, фактически изгоем. Учитывая, что джегуако постоянно странствовали по Черкесии, и даже за её пределами, вести как о храбрецах, так и о трусах достигали всех уголков страны. Можно сказать, что одной из движущих сил воинской доблести адыгов была мысль прославиться среди современников и остаться в памяти потомков. К историко-героической песне могли прибегать для доказательства знатности происхождения, заслуг предков перед родиной [8].

Знатоками, исполнителями, сочинителями и хранителями исторических песен и преданий были джегуако. Некоторые исследователи именно с этим связывают то особое положение, в котором находились народные поэты: «Содержание большей части песен составляет историю черкесского народа, его могущество, жизнь и славу его предков и поэтому естественно, что человек, способный передать в поэтической форме все то, что составляет гордость и прошедшую жизнь Черкесии, не мог быть неуважаем. Отсюда уважение к поэтам-импровизаторам и слагателям песен» [9].

Выделяют два типа джегуако: странствующие джегуако и дружинные джегуако, на смену которым пришли придворные джегуако. Оба эти состояния могли легко переходить одно в другое [10]. Странствующие джегуако обычно составляли коллектив из 5-6 и более человек. Они ходили из аула в аул, их специально приглашали на различные мероприятия. Выделение дружинного джегуако, по мнению исследователей, связано с образованием раннефеодальных государств, когда при каждом князе появляется свой поэт, а превращение его в придворного, в свою очередь, с наступлением феодальной раздробленности [11].

Джегуако были свидетелями всех значительных событий в жизни адыгов. Так, перед битвой они вдохновляли воинов речью или песней. Не принимая участия в сражении, они внимательно наблюдали, чтобы потом в песне отразить ход событий [12]. Доказательством значительного влияния джегуако на представления адыгов и безмерного доверия общества к песенной форме служит наличие так называемой очистительной песни [13]. Человек, репутация

которого в обществе была незаслуженно скомпрометирована, мог сложить песню для защиты своей чести или заказать её джегуако и этого было достаточно для его оправдания.

Кроме сочинения песен, заслугой джегуако также является сохранение песен, по разным причинам не угодных высшим слоям адыгского общества и запрещенных для исполнения в кунацких. Будучи лицами неприкосновенными, странствующие джегуако не подчинялись приказам князей и исполняли запрещенные песни [14]. Это лишний раз подчеркивает ту роль, которую в жизни адыгов играло народное творчество, его высокий статус в глазах людей, так как не было необходимости запрещать то, что не влияет на общественное мнение. С распространением ислама на Северо-Западном Кавказе институт джегуако постепенно стал умирать [15]. Имея значительное влияние, они представляли угрозу авторитету священнослужителей.

Помимо джегуако, для которых знание исторических песен и преданий было профессией, среди адыгов большим уважением пользовались просто знатоки прошлого своего народа, владеющие ораторским искусством, но не зарабатывающие себе этим на жизнь. Такие люди были желанными гостями в кунацких, их специально приглашали, когда в доме были важные гости. Нередко они вступали с джегуако в соревнование по красноречию, остроумию и знанию народных преданий.

Фольклор, без преувеличения, являлся для адыгов исторической памятью и играл значительную роль в жизни общества. Сохранению этой памяти придавалось большое значение. Историко-героические песни и сказания наиболее информативный из фольклорных жанров. Они сохранили для нас сведения об исторических событиях, с указанием реальных географических координат и именами участников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шептаев Л. Русская историческая песня // Исторические песни. – Л., 1951. – С. 5.
2. Унарокова Р.Б. Песенная культура адыгов (эстетико-информационный аспект). – М., 2004. – С. 4.
3. Хут Ш.Х. Адыгское народное искусство слова. – Майкоп, 2003. – С. 289–330.
4. См. например: Адыгские песни времен Кавказской войны. – Нальчик, 2005.
5. Налоев З.М. Эюд о придворном джегуако // Налоев З.М. Этюды по истории культуры адыгов. – Нальчик, 1985. – С. 95–97.
6. Дубровин Н. О народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик: Эльфа, 2002. – С. 67.
7. Хан-Гирей. Бесльный Абат // Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX века: Избранные произведения. – Краснодар, 1986. – С. 111.
8. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. – Нальчик, 1978. – С. 113.
9. Дубровин Н. Указ.соч. – С. 171.
10. Налоев З.М. Роль джегуако в национальном и межнациональном общении // Налоев З.М. Из истории культуры адыгов. – Нальчик, 1978. – С. 44
11. Налоев З.М. Эюд о придворном джегуако // Налоев З.М. Этюды по истории культуры адыгов. – Нальчик, 1985. – С. 73, 74.
12. Бгажноков Б.Х. Черкесское игрище. Сюжет, семантика, мантика. Нальчик, 1991. С. 168.
13. Налоев З.М. Очистительная песня в адыгском фольклоре // Налоев З.М. Из истории культуры адыгов. – Нальчик, 1978. – С. 82–99.
14. Налоев З.М. Роль джегуако в национальном и межнациональном общении // Налоев З.М. Из истории культуры адыгов. – Нальчик, 1978. С. 53–54.
15. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. – Нальчик, 1994. – С. 72.